

А ведь задумано было так красиво

Евгения Лантайн

Евгения нередко замечала за собой, что когда она заранее планирует время, чтобы попытаться написать что-нибудь для грядущей газеты (для которой надо было набирать материал, а, похоже, никто кроме самой Евгении толком и не трепыхался в этом направлении), то, как правило, четко в запланированное время так ничего написать и не получается, потому что мысли заходят в голову как-то вяло. Если вообще заходят - порой Лантайн могла запланировать час на творчество, да так весь час и просидеть над пустым листом бумаги.

Сегодня случай был как раз из таких. Евгения запланировала попытаться написать стихотворение со сказочным сюжетом - соответственно, нужно было сначала исторгнуть из себя сюжет, и только потом пытаться оформить его в красивые рифмы. На самом же первом этапе Лантайн и залипла, продираясь через дебри построения сюжета чуть хуже чем никак, и успела влить в себя две чашки зеленого чая, но так даже вчерне ничего от сюжета и не набросать. Сперва Евгения назначила было главной героиней принцессу. Потом подумала и заменила на принца. Потом подумала еще и вообще вычеркнула коронованных особ, решив, что это банально, что каждая вторая, ну в лучшем случае - каждая третья сказка начинается с того, что в некотором королевстве жили-были принц и принцесса, сколько можно уже. Кого тогда поставить на первый план - может, пусть будут мальчик и девочка, как Гензель и Гретель? Этот вариант Евгения пристально рассматривала со всех сторон минут десять, все время оставаясь чем-то недовольна. И поспешила зачеркнуть, как только сообразила: вот дети-то в качестве главных героев ей и не нравятся, не хочется ей про детей писать.

Количество зачеркнутых слов на листе бумаги все росло, а сказка не продвигалась никуда, ни на дюйм. Решив, что такими темпами она завязнет намертво, а писать как-то надо, и вообще, пусть судьбу сюжета решит слепой случай, Евгения решительно прибегла к посторонней помощи. Ткнула карандашом пробежавшего мимо долговязого парня, только чудом не подстрелив его под колено и попав выше, по бедру, и позвала: - Послушай! Скажи, если бы ты сочинял сказку - кто бы был ее главным героем?

Стефано Грассини

Стефано не находил ничего удивительного, нездорового или и вовсе криминального в том, что пока на новом месте ему интересно все вокруг и он старается заглянуть по возможности разом в десять мест, чтобы если не узнать сразу все доступные подробности, то хотя бы сформировать у себя в голове общий слепок места, который потом можно будет расширять и дополнять подробностями сколько угодно. Именно так юноша и забрался в чайный домик, где царила практически полная тишина. Только за одним из столиков громко и яростно дышала незнакомая девушка и шершаво царапала карандашом по бумаге.

Что там, на бумаге, девушку так сильно волнует, Стефано понятия не имел, но на всякий случай решил не вмешиваться и вообще отсвечивать по минимуму. Вдруг собьет человеку мыслительный процесс своей беготней - и объясняй потом, что ты того вовсе не хотел, все равно мысль уже будет утрачена, а потенциальный шедевр, возможно, навек потерян. Поэтому Стефано постарался было проскользнуть мимо

девушки как можно тише и незаметнее, но у девушки явно был другой замысел, и карандашный выпад доказал это так наглядно, что нагляднее некуда.

Сперва юноша на автомате ухватился за подбитое бедро - не пробитое насквозь, уже хорошо, но карандашом девушка ткнула от души. Поэтому сперва Стефано с мягким упреком поинтересовался: - А если бы проткнула, от края до края? Что бы тогда? - и только потом вдумался в обращенный к нему вопрос. Искать ответ на который, к слову, почти не пришлось.

- Я бы сделал главным героем рыцаря, - сказал Стефано. Подошел поближе и оперся коленом на низкий столик - вроде как присесть его не приглашали, но вроде как пока никто и не сидит. По десять раз перечеркнутые слова на бумаге были нечитабельны и никак не походили на связную историю, но это не помешало Стефано с восторженным придыханием спросить: - Ты сказку пишешь, да? Просто для себя или для кого-то? Скажи, ты будешь не против, если я рядом посижу и посмотрю? Никогда не видел, как люди сочиняют сказки. И никогда не понимал, как у них это выходит. Или я буду тебя слишком сильно смущать?

Евгения Лантайн

По тому, что парень не отреагировал на укол карандашом сотней гневных выкриков, Евгения заключила: кажется, в этот раз ей встретился адекватный молодой человек, с людским, вменяемым характером. Надо немедленно знакомиться, пока он ещё тут ходит, вдруг в следующий раз не встретится. А иметь такого вменяемого молодого человека под рукой, между прочим, может быть очень полезно.

- Если бы я тебя так мощно продырявила - извини, но, скорее всего, ты бы истек кровью, - хладнокровно заявила Евгения. И со спокойствием патологоанатома разъяснила: - В бедре проходят два крупных сосуда, вена и артерия. И у каждого из них чуть ли не целый пучок ответвлений. Поэтому если бы я и впрямь пробила тебе ногу, как ты говоришь, "от края до края", я бы с большой вероятностью какой-нибудь внушительный сосуд да зацепила. Так что береги ноги, - финальным аккордом посоветовала Лантайн. И снова коснулась карандашом бумаги, как раз чтобы записать полученный совет.

Парень вряд ли представлял себе, насколько его версия легла девушке на душу. А между тем Евгения, которая почему-то до сих пор о рыцаре совершенно не думала, обрадовалась этому персонажу как родному и охотно вписала его на лист. Даже в кончиках пальцев как будто заплясало внезапно проснувшееся шальное вдохновение.

Подумать только, а всего-то и надо было, чтобы появился один юноша и сказал одно правильное слово.

- Вообще-то, ты будешь меня смущать. Но так и быть, оставайся. Ты пробуждаешь во мне удачные мысли. Считай, что ты теперь мой соавтор, - щедро разрешила Лантайн. Мимолетно постучала себя карандашом по плечу и представилась: - Евгения. А ты кто?

Карандаш Лантайн немедленно снова вернула на лист. И повела по бумаге решительную черту, приговаривая: - Так, у нас есть рыцарь. Чем он занят? Я полагаю, он ищет некий прекрасный макгаффин. В сказке кто-нибудь почти всегда должен этим заниматься, почему бы и не рыцарь? И ищет он... например... например, птицу! - триумфально сказала Евгения, вдруг осознавая, что в этом месте может быть очень удачно зарифмовать героя с его целью. Превратила черту в острую стрелку, приписала рядом "птица" и, подключая к процессу соавтора, вопросительно посмотрела на молодого человека. - А что птица может принести?

Счастье там, удачу? Ещё что?

Стефано Грассини

Стефано ожидал от девушки какого-нибудь лёгкого, чисто символического ответа, просто продолжающего беседу - а в итоге получил на ровном месте чуть ли не целую выдержку из лекции. Юноша сам в анатомии разбирался достаточно условно, никогда этого не скрывал и точно так же никогда не стремился получить глубоких знаний в этой области. Потому что такими темпами быстро становится очень непросто жить - когда вдруг выясняется, что даже нежная девушка, вооруженная всего-то карандашом, способна сделать в тебе смертельную дырку.

- Мне таких вещей знать даже и не положено. Жизнь сосудов лежит глубоко вне моей компетенции, - задорно улыбнулся Стефано. Но сам уже чувствовал: теперь это знание он уже понесет с собой дальше в светлое будущее. При слишком уж запоминающихся обстоятельствах это знание было получено, теперь его, пожалуй, ещё и не утратишь.

Воспользовавшись тем, что приглашение всё же вполне недвусмысленно прозвучало, Стефано поспешил подсесть к девушке за столик. И признался: - Никогда ещё соавтором быть не приходилось. Но я постараюсь. Помочь чем смогу. Меня зовут Стефано. Рад с тобой познакомиться.

На взгляд юноши, Евгения обошлась с рыцарем довольно ловко, быстро превратив его из подвешенной в воздухе фигуру в куда более живого персонажа, отягощенного целью всей жизни. Стефано посмотрел на то, как от рыцаря протянулась уверенная стрелка в сторону почему-то приглянувшейся девушке птицы, потом поднял глаза на Евгению - и осознал, что последние вопросы девушки были обращены к нему, а вовсе не были риторическими.

- Ну, если мы пишем сказку, да ещё и про рыцаря - наверное, птица может принести ему любовь. Рыцарь же обычно жаждет завоевать сердце прекрасной дамы, разве нет? - предложил Стефано. И тут же, пока недоумение было ещё свежо, уточнил: - Скажи, а что такое "макгаффин"?

Евгения Лантайн

- Не любовью единой рыцарь живет. Он еще вполне может хотеть ратных подвигов и побед на турнирах. Тогда ему будут нужны, например, сила, храбрость и неуязвимость. А после славных побед прекрасные дамы уже приложатся сами собой, - ворчливо возразила Евгения. Следом, для усиления эффекта, тогда уж надо было говорить, что любовь - это банально, но Лантайн такого говорить не стала, просто потому, что так не считала. На ее взгляд, любовь - это все-таки было прекрасное чувство, достойное того, чтобы вписать его в красивую сказку. В этом плане Стефано, безусловно, опять выбрал очень удачно лежащую девушке на душу версию.

- Рассказываю анекдот, - заявила Евгения, намереваясь и про макгаффин прочитать лекцию не хуже, чем перед этим толкнула про сосуды, а то и лучше. - Едут в поезде два человека. Один другого спрашивает: "А что это вы везете такое на багажной полке?" - "А это макгаффин, чтобы ловить львов в горной Шотландии." - "Но ведь в Шотландии нет львов!" - "Ну тогда, значит, и я ничего не везу." Понял? Макгаффин - это очень важная в сюжете вещь, которая всем нужна, которую все ищут, без которой развалится история, если ее убрать, но которая при этом в истории никак не участвует. Сам макгаффин, по сути, ни для чего в сюжете не нужен, главное - это сам факт его существования. Понимаешь? Может наша птица быть таким

макгаффином? По-моему, вполне.

Рядом с птицей Евгения щедро начертила большой овал и пояснила, указывая на него концом карандаша: - Сюда чуть позже впишем, что именно дает птица, любовь или все-таки что-то связанное с силой. Допустим, надо добыть птичье перо, чтобы получить бонус. И носить его с собой в рукаве как амулет или что-нибудь такое. Да, пусть будет перо. Мне нравится. - И под четко написанным словом "птица" Евгения такими же четкими и крупными буквами написала "перо", продолжая фиксировать постепенное развитие мысли.

Стефано Грассини

- Ратные подвиги - это да, вещь важная. Но мы же всё-таки сказку пишем, а не мрачное средневековое фэнтези. В сказках, как правило, важнее любовь, - мягко оспорил Стефано, чувствуя, что творческий процесс захватывает его с каждой минутой всё сильнее. И потому, что уже преодолена сама нудная и сложная часть работы - определены декорации, и в них уже начинает потихоньку завязываться сюжет, - и потому, что Евгения с определённой периодичностью бросает сочинять и начинает рассказывать любопытные вещи, такие, о которых Стефано, пожалуй, вряд ли узнал в иной ситуации и от кого-то другого.

- Юмор анекдота от меня ускользнул, - смущённо признался Стефано. - Но в остальном - я понял, о чем ты. Тогда обязательно ли нам определять, как именно нужно использовать перо, чтобы бонус был засчитан герою? Раз уж всё равно на сюжет это не влияет и в истории использоваться не будет? Может, наш рыцарь вообще так эту птицу и не найдёт. По тем или иным причинам. Имеем полное право, нам же важнее процесс поиска, а не конечный результат. Правильно? Или ты обязательно хочешь, чтобы в конце был триумф героя?

На взгляд Стефано, девочки такое хотели часто - чтобы в конце истории все всё нашли, все друг в друга влюбились и вообще всё окончилось максимально благополучно. И Евгения сейчас могла упереться и начать доказывать, что в конце сказки птицу непременно надо найти, ощипать и сплести из её перьев целый головной убор, как у вождя индейцев. Хотя такая концовка уже была бы некрасивой и не слишком сказочной - по меньшей мере, себе Стефано её уже точно испортил навек, неудачно подвернувшись под руку неприятным словом "ощипать".

Евгения Лантайн

Услышав, что в сказках, видите ли, обычно важнее любовь, Евгения немедленно развернулась к Стефано с возмущенным видом, намереваясь отстоять честь ратных подвигов. Набрала воздуха в грудь, чтобы единым монологом возмутиться "как так, а вот же здесь не так, и тут, и вон там ещё, так что непонятно, кто важнее" - да так и осталась сидеть с этим воздухом в груди, не в силах подобрать ни одного аргумента. В голову лезли всё какие-то не те примеры, как раз очень даже подходившие под утверждение Стефано, вместо того, чтобы опровергать его.

- Оле-Лукойе бы с тобой не согласился, - наконец кое-как сообщила Евгения, понимая, что мощный замысел не удался и что была запланирована стенобитная тирада, а получился жалкий пшик и только. Смущенно зачиркала карандашом по краю листа, густо заштриховывая бумагу, и даже с радостью переключилась на другую тему: - Если честно, я тоже не понимаю, в чём соль этого анекдота. Не заморачивайся. По-моему, он британский, а у британцев много таких анекдотов, посторонним людям не смешных. Так что всё в норме, - то, что сам Стефано может вдруг оказаться британцем, Евгению не беспокоило даже на уровне смутных

подозрений. Слишком уж ярко выраженная южная внешность была у юноши, ну никак он не мог выйти из туманного Альбиона с такой смуглой кожей и с такими солнечными чёрными глазами.

Словом, этот момент обсуждать не имело смысла, а вот насчёт конечного результата - тут да, пообщаться стоило.

- Ты мне сейчас задал очень интересный вопрос, - задумчиво протянула Евгения. Внимательно посмотрела на Стефано и подтвердила: - Но мне кажется, ты прав. Мы действительно имеем полное право не показывать рыцарю птицу, пусть он её и не найдёт ни разу. Это будет печально и красиво, это запомнится. Ты мне нравишься! - заявила Лантайн, естественно, подразумевая, что ей мощно повезло с соавтором. И тут же задалась новым вопросом: - А почему рыцарь может так и не найти свой макгаффин? Потому что птица есть только в легенде, а на самом деле её не существует? Как тебе нравится такое решение?

Стефано Грассини

- Я совсем не помню сказку про Оле-Лукойе. Что он говорил по поводу любви? - с искренним любопытством спросил Стефано. Знание сказок у юноши хромало ещё с детства и на все четыре перебитые ноги. Юноше хватило только соображения понять, что Оле-Лукойе - это должен быть какой-то известный сказочный персонаж, особенно в контексте их с Евгенией разговора. Но вот что именно этот персонаж делал, и какова была его роль в его сказке - этого Стефано уже не помнил. Не знал, не знал, да и забыл. Поэтому воспринять упрек Евгении ему сейчас было сложно. Разве только после очередной небольшой лекции.

Одобрительные слова девушки вызвали приступ желания начать собой страшно гордиться, и не так уж важно, применительно к чему именно было сказано это сладкое "ты мне нравишься". Желание горделиво выкатить грудь вперед Стефано успешно переборол, ограничившись сдержанной благодарной улыбкой - и поспешил предложить, не напрашиваясь на очередную похвалу, но всеми силами стараясь её заслуженно заработать: - Почему, пусть существует, можно обойтись и без таких крайностей. Но рыцарь, например, мог всё время искать её не там, где она на самом деле живет. Разве так будет плохо?

По мнению Стефано, это решение было немного изящнее и интереснее, чем наскоро предложенное Евгенией "птица - просто легенда, а на самом деле её вообще нет, не существует". Хотя, конечно, тоже не панацея и не исполненный небывалой гениальности поворот сюжета.

Евгения Лантайн

Евгения сказку про Оле-Лукойе тоже почти совсем не помнила. Вот уж где позор так позор. А главное ведь, сама в это ввязалась, сама первая про это ляпнула. Что тут теперь утешительного скажешь? Ничего.

С другой стороны, и Стефано ведь эту сказку не помнит, можно попытаться на этом и сыграть.

- Ничего не говорил. Как про недостойную вещь, - как можно более уверенно буркнула Евгения. Тем более что в своих словах она как раз и была примерно уверена - насколько она помнила, Оле-Лукойе приходил сказки рассказывать к школьнику. Какая там в этом месте может быть любовь. Но ссориться со Стефано на этой почве не хотелось - тем более, что юноша продолжал выдвигать очень и очень неплохие идеи, было бы жаль на ровном месте практически такого соавтора потерять. Поэтому тему с Оле-Лукойе Евгения поспешила загнуть и больше не

упоминать. И с воодушевлением сказала: - Слушай, а ты прав! Насчет "не там искал" - это звучит лучше. Где может жить птица так, чтобы рыцарь всю жизнь искал ее не там? Подожди, не подсказывай, я сама придумаю, - попросила Евгения. С нажимом потерла карандашом бровь, крепко задумалась и наконец сказала: - Ну, например, он искал ее на суше. В лесах и в горах. А она, скажем, летает над морем. Спит на воде, гнездится на скалах и все такое. Или нет, подожди, это не очень хорошо. Что мешает ему решить, что надо искать птицу в море, сесть на корабль и найти ее? - нахмурилась Евгения. Ей казалось, здесь у нее получился прокол. Нехороший такой прокол, который наскоро заплаткой не ликвидировался. Хотя, может быть, Стефано сейчас скажет два слова и все исправит. Кто ж ему запретит.

Стефано Грассини

- Так и говорил: "не обсуждаю любовь как недостойную вещь"? Или просто ничего не говорил? - с улыбкой уточнил Стефано, чувствующий не иначе как шестым чувством, что здесь Евгения хитрит и то ли не договаривает, то ли наоборот, прибавляет лишнего. Что в сказке про Оле-Лукойе все было несколько не совсем так.

Но сейчас главное, чтобы у них с Евгенией в сказке все сложилось правильно, без всяких там обидных недоразумений и несостыковок.

- Жду, - послушно согласился Стефано, позволяя Евгении придумать все самой. Все, что угодно, придумать самой, это ведь, в конце концов, ее сказка, а юноша тут так, на птичьих правах случайного подсказчика.

И ведь придумала же неплохо.

- В море - это хорошо. Морская птица счастья, - кивнул Стефано. Там, где Евгения видела ошибку и страшный камень преткновения, для Стефано никаких таких камней и ошибок не было. Юноша немедленно рассудительно сказал: - Ну, ему может помешать сесть на корабль, например, то, что корабля нет. Держава сухопутная, за моря не плавает, торговлю с заморскими купцами не ведет. Вот никакого вообще корабля у него и нет. Ни своего, ни чужого. Строить надо, а строить рыцарь не умеет. Он же все-таки воин, а не плотник.

Чего уж было проще - вот с помощью такой легкой заплатки выбраться из ситуации, которую Евгения окрестила было неразрешимой, ужасным проколом и так далее. На деле же ничего неразрешимого не было. Одна аккуратная поправка в изначальных условиях - и все, готово, авторы сказки снова гениальны и восхитительны.

Евгения Лантайн

- Ну хорошо. Я не помню, что там было у Оле-Лукойе, я тоже не помню! - неохотно созналась Евгения. - Но я слегка представляю себе общий концепт этой сказки. Потому и думаю, что любовь он там вообще не обсуждал - ему было просто не с кем это делать, нет в этой сказке подходящих для такого героев.

Хотя, если подумать - смерть же обсуждал, хотя казалось бы, тоже, к кому там с такой серьезной темой ткнуться.

Дополнений к её идее от Стефано девушка ждала с нетерпением - за то короткое время, пока они общались, Евгения уже успела поверить в то, что юноша таскает с собой ответы на все озадачивающие ее вопросы по меньшей мере когда дело касается писательства и сочинительства. А после того, как поверила, тут же разрешила себе блаженно к этому привыкнуть. Так что если бы Стефано сейчас сказал, что он не знает, как тут быть и что тут делать, Лантайн бы на него за это

даже обиделась.

Но Стефано, как для девушки уже стало обыденностью, конечно, опять знал, как здесь изворачиваться.

- Ты хоть сам понимаешь, как это шикарно придумано? - с восторгом спросила Евгения. И вдохновенно и торопливо забегала карандашом по бумаге, спеша описать пришедшую ей в голову красивую картинку, которая должна была закончить сказку. - Что - нет? Не понимаешь? Ну смотри же! У рыцаря нет корабля, поэтому он решает его строить - он же дал слово найти птицу и не хочет от этого слова отступать. Но - тут ты прав, - он действительно воин, а не плотник, он не умеет строить корабли, ему приходится сперва этому учиться, потом приходится строить корабль. Это всё очень долго, если он работает один - а он, получается, вынужден работать один, если в стране больше никто не строит корабли!

- И вот, когда корабль уже готов, стоит на песке и остаётся только спустить его на воду, - тут Евгения трагически заговорила тише, потому что момент и впрямь должен был быть печальный, - рыцарь вдруг понимает, что прошло слишком много времени. Что он уже состарился, и ему больше не под силу ни плыть через море, ни даже спустить корабль на воду. - Лантайн сама едва не прослезилась от того, как ярко ей представилась эта печальная картинка. И с влажными от подступающих слёз глазами спросила у Стефано: - Ну, как тебе такой финал?

Стефано Грассини

- Так уж и красиво, - усомнился Стефано, которому вообще казалось, что он обнаружившуюся у них с Евгенией дырку в течении сюжета заткнул первым, что под руку попало и на ум пришло. Однако девушку после этой коротенькой правки как будто укусила даже и не муха, а целая оса вдохновения. Оставалось только развесить уши и слушать, как Евгения, смахивая набежавшую слезу, рассказывает, как должна выглядеть концовка.

Сам Стефано в этом месте повёл себя как черствый чурбан. Концовкой до глубины души не проникся, слезы не уронил, а только осторожно признал: - Да, звучит мощно.

Правда, юноше все равно казалось, что в таком виде, даже звуча "мощно", концовка остаётся висеть в воздухе. Вот рыцарь. Вот он не совладал с кораблем, и корабль остался стоять на песке. А что же сам рыцарь? Тоже остался сидеть на песке? От разочарования отнялись ноги? Ну, это уже звучит глупо. Сказке не хватало буквально двух-трех предложений, но без них концовка в глазах Стефано катастрофически не клеилась и не имела логичного завершения.

- Финал можно и ещё немного дополнить. Стилизовать под легенду, - предложил Стефано. - И сказать, что хоть с кораблем у рыцаря не сложилось, поисков он все равно так и не бросил. И до сих пор в лунную ночь - или дождливым вечером, или как тебе больше нравится, - можно увидеть, как мимо дома проезжает рыцарь. И если ты его заметишь, то он подъедет ближе, постучит в окно, приподнимет забрало и спросит, не видел ли ты заветную птицу. По-моему, этот финал будет чуть менее безнадёжный и печальный. Хотя, в общем, тоже без блестящих перспектив. Что ты об этом думаешь?

Евгения Лантайн

- Стилизовать под легенду - это вообще гениально, - немедленно согласилась Евгения, торопливо записывая за Стефано его предложение. Действительно, так звучало только лучше. Хотя Лантайн и казалось, что и до этого концовка была

неплохая - но, действительно, рыцарь, который до сих пор ходит по земле, который не сдался и продолжает поиски, хотя все откровенно против него, здесь смотрелся еще лучше. Только усиливал эффект от печальной концовки.

И, уже поставив точку и окидывая почти законченную сказку победным взглядом, Евгения вдруг поняла, что переделать этот сюжет в стихи, как планировала изначально, она не сможет. Ей это банально не по силам. Она по дороге потеряет две трети выразительности, и тогда смысла в этой сказке почти не останется, все растеряется по дороге. Тут либо отдавать более умелому и опытному поэту (а жалко же!), либо печально складывать в стол, чтобы только периодически доставать и любоваться. Оба варианта не очень, такие себе.

Был, правда, еще и третий вариант - понадеяться, что у Стефано с написанием стихов дело обстоит лучше и бодрее, чем у Евгении, и попытаться отдать сказку на доработку ему. Но Лантайн об этом варианте как-то вообще не подумала. Совсем не сообразила принять его к рассмотрению.

- Ладно. На этом, пожалуй, остановимся. Главное у нас уже получилось, остальное я чуть позже доделаю сама, - бодро соврала Евгения, складывая и пряча исписанный лист. И протянула Стефано ладонь для рукопожатия, торжественно подчеркивая: - Спасибо, драгоценный соавтор! Если вдруг придумаешь еще что-нибудь интересное - заноси. Мы с друзьями литературную газету делаем, всегда буду рада тебя туда вписать. Ну и вообще, не пропадай. Буду рада. До встречи.

Попрощавшись, Лантайн покинула чайный домик - ей еще предстояло как минимум поплакать над тем, что она не сможет закончить сказку как хотела сначала, а как максимум, все-таки попытаться обломать зубы об этот сюжет.
